

Андрей В. ТОПЫЧКАНОВ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Политические науки в России в эпоху Университетского устава 1863 г.: проблемы институализации

В 1881 г. профессор Санкт-Петербургского университета И. Е. Андреевский попытался определить основные пути накопления и распространения политических знаний в России в царствование Александра II (Андреевский, 1881, с. 403–422). Он выделил практическую политическую деятельность, теоретическое изучение политических наук в университетах и печать. Почти одновременно во всех трех сферах были проведены масштабные преобразования – утвержден новый университетский устав (1863), учреждены земства (1864) и приняты «Временные правила для печати» (1865), что создало институциональные предпосылки для развития политических наук, известных в России с XVIII в. (Очерки, 2009; Лангер, 2011; Топычканов, 2011, с. 3–13; Ирхин, 2013, с. 181–191). Если роль земского самоуправления и периодической печати в накоплении и распространении политических знаний уже получила освещение в историографии, то университетская реформа 1863 г. с этой точки зрения практически не изучена.

Университетская реформа 1863 г.

Новый университетский устав возник в условиях трансформации университетского пространства, которая происходила под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. К внутренним факторам следует отнести, прежде всего, резкий рост численности учащихся в российских университетах благодаря разрешению принимать неограниченное число поступающих, увеличению числа освобожденных от уплаты за обучение и восстановлению категории вольнослуша-

телей. Только в русских университетах (Петербургском, Московском, Харьковском, Казанском и Св. Владимира в Киеве) число студентов выросло с 2505 в 1852 г. до 4935 в 1860 г. (в это число не вошло до 1000 вольнослушателей) (*Общий отчет*, 1854, с. 133; Эймонтова, 1985, с. 240). Самым многочисленным стал Московский университет. В 1857 г. в нем обучалось 1725 человек, 2/3 из которых учились на юридическом факультете, что было больше общей численности студентов любого из российских университетов. В то же время число аудиторий, кафедр и профессорских ставок в университетах почти не увеличились, некоторые кафедры долгое время оставались незачисленными, отсутствовали студенческие общежития, а финансирование университетов выросло незначительно, прежде всего за счет платы за обучение (от нее было освобождено более половины учащихся).

Такие условия вызывали социальное напряжение внутри университетов. Конечно, студенческая среда создала собственные компенсационные механизмы в виде студенческих организаций (касс и обществ взаимопомощи, землячеств, научных кружков, драматических, музыкальных, художественных, литературных и спортивных объединений), однако они не только создавали условия для адаптации студенчества, но и рекрутировали студентов для участия в сходках. В поисках выхода из организационного кризиса Министерство народного просвещения стремилось ограничить численности студенчества, что почти всегда приводило к конфликтам студенчества с попечителями учебных округов, университетским руководством, представителями местной власти и полиции. В «Университетском восстании» 1861 г., начавшемся после введения подобного рода «Временных правил» и приведшем к закрытию Петербургского университета на два года, приняли участие все российские университеты за исключением Дерптского, который имел свой устав и развитую систему студенческих организаций. Студенческие волнения наложили определенный отпечаток на процесс реформирования высшей школы и подготовку других реформ (Эймонтова, 1985, с. 307–308).

Атмосфера реформ царствования Александра II являлась внешним фактором трансформации университетского пространства. Реформаторская деятельность правительства и сопровождающие ее общественные дискуссии подталкивали университетское сообщество к переосмыслению роли университетов в новой политической ситуации и выработке нового Университетского устава, соответствующего духу преобразований.

Содержательная сторона подготовки университетского устава и проведения университетской реформы изучена в работах Г. А. Джаншиева, Р. Г. Эймонтовой, С. Д. Кэссоу и многих других (Джаншиев, 1893, с. 221–276; Эймонтова, 1985; Кассов, 1992, с. 317–334; Эймонтова, 1993; Кинелев, 1995; Змеев, 1998, с. 158–171; Донин, 2003; *Университетская реформа*, 2012). В отличие от большинства реформ царствования Александра II Университетская реформа готовилась в условиях частой смены руководства Министерства народного просвещения. Этот пост занимали А. С. Норов (1853–1858), Е. П. Ковалевский (1858–1861), граф Е. В. Путягин (1861–1862) и А. В. Головнин (1862–1866). Важную роль в подготовке Университетского устава сыграли попечители учебных округов, профессора университетов и публицисты. Под влиянием университетского восстания 1861 г. А. В. Головнин предложил использовать университетскую реформу для преодоления изоляции правительства в университетском вопросе и передать проект устава на рассмотрение университетам и заинтересованным лицам, что получило одобрение Александра II. Обсуждение устава вылилось в острую дискуссию на страницах журналов и газет, участие в которой приняли Н. Х. Бунге, Н. И. Пирогов, Н. И. Костомаров, К. Д. Кавелин, М. Н. Катков и многие другие (*Замечания*, 1862; *Замечания*, 1863; Эймонтова, 1985, с. 75–144). Российские и зарубежные ученые и публицисты полемизировали относительно задач университетского образования, форм взаимодействия университетов, общества и власти. В вопросе отношения университета и общества высказывались диаметрально противоположные мнения – от изоляции университетов от общественных дискуссий (Б. Н. Чичерин) до активного участия университетов в общественной жизни страны и воспитании гражданских ценностей (Н. А. Добролюбов).

Изданный 18 июня 1863 г. «Общий Устав Императорских Университетов» регулировал основные механизмы функционирования университетов и факультетов, права и обязанности преподавателей и учащихся. Была восстановлена университетская автономия: расширены права ректора и Совета университета, состоявшего из ординарных и экстраординарных профессоров, восстановлен университетский суд. Ректор избирался Советом университета из числа университетских профессоров сроком на четыре года и утверждался императором.

В университет могли поступить только успешно окончившие гимназический курс. Перевод с курса на курс осуществлялся после

успешного прохождения испытаний. После окончания университета с удовлетворительными оценками выпускник получал звание действительного студента, а при получении хороших оценок и представления диссертации – степень кандидата.

Устав закрепил следующую факультетскую структуру университета: историко-филологический, юридический, физико-математический и медицинский факультеты. Профессорско-преподавательский состав факультета состоял из декана, ординарных и экстраординарных профессоров, доцентов, лекторов и приват-доцентов. Деканы избирались на собраниях факультетов на три года из числа профессоров, а затем утверждались министром народного просвещения. В соответствии с п. 22 декан осуществлял «ближайшее наблюдение за преподаванием факультетских предметов» и председательствовал на факультетских собраниях. Собрание факультета, включавшее всех профессоров, утверждало программы преподавания дисциплин, одобряло издаваемые университетом сочинения, организовывало конкурсы на замещение должностей и решало другие вопросы организации учебного процесса. По новому уставу существенно увеличилось количество кафедр. Например, на юридическом факультете их стало тринадцать (вместо семи по Уставу 1835 г.).

В университетском уставе 1863 г. угадываются основные принципы земской реформы 1864 г.: «общественная теория» (эта концепция, оформившаяся позже, утверждала автономию органов самоуправления¹), ограниченное представительство и преимущественно хозяйственное самоуправление (Верецагин, 2002). Министерство народного просвещения, даровав университетам академическую автономию, сохранило основные механизмы контроля за университетами в лице министра народного просвещения, попечителя учебного округа и инспектора и при этом сознательно отказалось от детальной регламентации их обязанностей. Именно поэтому современники считали

¹ По определению Н. М. Коркунова, «Общественная теория видит сущность самоуправления в предоставлении местному обществу самому ведать свои общественные интересы и в сохранении за правительственными органами заведывания одними только государственными делами. Общественная теория исходит, следовательно, из противоположения местного общества государству, общественных интересов – политическим, требуя, чтобы общество и государство – каждое ведало только свои собственные интересы» (Коркунов, 1893, с. 265–266).

устав результатом смешения немецкой и французской моделей университета, первая из которых утверждала принцип свободы обучения (Lehr- и Lernfreiheit), а вторая выступала за административное регулирование образовательного процесса (*Замечания*, 1863, с. 13; Милюков, 1902, с. 793). Б. Н. Чичерин назвал Устав 1863 г. «плодом здравого консервативного направления, впервые тут выразившегося» (Чичерин, 1929, с. 57). Таким образом, Университетская реформа носила компромиссный характер: расширяя сферу автономии, она в то же время сохранила основные регулятивные механизмы. Это было необходимо и для примирения университетской корпорации и правительства, к чему стремилось Министерство народного просвещения под руководством А. В. Головнина, и для создания условий устойчивого развития российских университетов, как государственных, научных, образовательных, культурных, просветительских учреждений. Поставленные цели были достигнуты: Университетская реформа 1863 г. привела к плодотворным результатам в различных сферах деятельности университетов и способствовала нормализации обстановки в университетах. Принятые через год после утверждения устава новые правила для студентов и посторонних не вызвали негативной реакции студенчества. Правила 1861 и 1864 гг. привели к сокращению численности студенчества: в 1864–1865 учебном году во всех университетах обучалось 4084 студентов и 557 вольнослушателей (*Обзор*, 1865, с. 230).

Трансформация структуры университетов

Еще в XIX в. ученые признавали, что новый устав оказал существенное влияние на институализацию политической науки в России. По словам А. Д. Градовского, «Высочайшая воля уставом университетов 1863 года открыла нам средства политического образования, которое должно удовлетворять потребностям русской общественной жизни» (Градовский, 1899, с. 35. Ср.: Редкин, 1889, с. 1–21). К этим «средствам политического образования» прежде всего относилась новая кафедральная структура юридических факультетов, на которых было сосредоточено преподавание политических дисциплин. Во-первых, устав заменил в названии кафедр и курсов юридических факультетов «закон» и «законоведение» на «право» и «правоведение». Это переименование означало, что утратила свое доминирую-

щее положение легисткая концепция юриспруденции и расширилась предметная область юридического образования, включившего в себя политическую, социальную, а впоследствии и психологическую проблематику. Во-вторых, было усилено преподавание энциклопедии политических наук и государственного права, и для этого вместо кафедры энциклопедии законоведения и российских государственных законов были созданы кафедры энциклопедии права и государственного права. В-третьих, кафедра политической экономии и статистики была перенесена с историко-филологического отделения на юридический факультет, что позволило сосредоточить социально-экономические исследования политических и правовых институтов на юридическом факультете.

Для специализации учащихся по политическим наукам большинство университетов воспользовалось правом вносить изменения в структуру факультетов (п. 7 Устава). Уже осенью 1863 г. был поднят вопрос о разделении юридических факультетов на отделения или разряды с тем, чтобы сократить число обязательных предметов и дать возможность учащимся более глубоко и основательно изучить определенные дисциплины (*Обзор*, 1865, с. 77). Практика деления факультетов на юридическое и камеральное (административное) отделения существовала при предшествующем университетском уставе 1835 г. Сохранить подобное деление было рекомендовано и при обсуждении проекта университетского устава. Так, например, немецкие профессора тогда предложили создать при российских университетах подразделение для подготовки чиновников-администраторов: государственно-хозяйственный, государственно-научный, административный или камеральный факультет (Р. фон Моль), политико-хозяйственное и политическое отделения (И. К. Ф. Розенкранц), факультет хозяйственной политики (Э. Озенбрюген) (*Замечания*, 1863, с. 19–21, 307, 311).

На юридическом факультете Санкт-Петербургского университета были сохранены юридическое и административное отделения, учрежденные незадолго до закрытия университета в 1861 г. (Смогунов, 2009, с. 15–16). После принятия нового устава юридические факультеты были разделены на отделения чисто юридических и государственно-административных наук в Университете Св. Владимира в Киеве (1864 г.), разряды юридических и государственных наук в Харьковском университете (1864 г.) и в Казанском университете (1865 г.). Совет Московского университета отказался от деления

юридического факультета по причине недостаточного количества преподавателей (*История*, 2011, с. 145–148). В Дерптском университете, имевшем свой устав и учебный план, юридический факультет был разделен на юридическое и дипломатическое отделения.

Предполагалось, что юридические отделения будут давать общее юридическое образование, а отделения государственных наук будут готовить к государственной службе. Действительно, введение экзаменов для чиновников в начале XIX в. и преимущества при поступлении на государственную службу для выпускников университетов придали популярность университетскому образованию (Wortman, 1976; Lincoln, 1990). В университетах и особенно на юридических факультетах преобладали так называемые «карьеристы», которые учились для получения диплома, дававшего права на табельный чин XII и X классов и соответствующие преимущества на службе (Иванов, 2010, с. 13–14). Тем не менее, при подготовке университетской реформы большинство представителей университетской корпорации избегало обсуждения вопроса о подготовке государственных служащих и ставило перед университетом лишь научные и просветительские цели (Эймонтова, 1993, с. 81–94). Например, профессор Московского университета И. В. Вернадский так и не стал публиковать свои предложения об улучшении качества подготовки государственных служащих в университетах (Кирсанова, 2013, с. 25–27; ср.: Нелидов, 1872). После введения Устава 1863 г. студенты неохотно шли на отделения государственных наук, и те постепенно стали закрываться.

Университетский устав 1863 г. способствовал развитию политических наук также тем, что создал благоприятные условия для организации при университетах научных обществ. На основании 10-й главы Устава были открыты юридические общества при Московском (1865), Киевском (1876), Санкт-Петербургском (1877), Казанском (1878), Новороссийском (1879) и других университетах. Все они в той или иной степени занимались политической проблематикой. Так, например, Московское юридическое общество, по словам историка и политика А. А. Кизеветтера, «было ученым обществом. Но по органической связи юриспруденции с вопросами общественной жизни доклады и дебаты, происходившие там, сплошь да рядом получали политический характер. Под флагом научного заседания еще можно было затрагивать некоторые политические темы, о которых нельзя было бы и пикнуть при иной обстановке... Юридическое

общество, несомненно, сыграло в то время немалую роль в деле популяризации конституционных идей в русском обществе» (Кизеветтер, 1997, с. 30–31).

Таким образом, новая кафедральная структура, созданные отделения государственных наук и юридические общества явились институциональной основой политических наук в российских университетах.

Дисциплинарная матрица политических наук

Преподавание политических наук в российских университетах было представлено в образовательных курсах двух кафедр – энциклопедии права (Энциклопедия юридических и политических наук, История философии права) и государственного права (Теория государственного права, Государственное право важнейших иностранных государств, Русское государственное право). Их дополняли курсы, читаемые на кафедрах международного права, полицейского права, финансового права, политической экономии и статистики. Все перечисленные дисциплины входили в состав «политических наук» как общего учения о государстве. Д. И. Каченовский относил к ним также союзное право, политику и историю (Каченовский, 1862, с. 84–127). Н. К. Нелидов добавлял пропедевтику государственоведения (общее учение о государстве), государственное устройство, внутреннее государственное управление, всеобщую историю государства, историю государственного развития России, историю культуры и обзор гражданского, уголовного и процессуального права (Нелидов, 1872, с. 99–103). В Дерптском университете политические дисциплины были закреплены за кафедрой положительного государственного и народного права и политики. Помимо традиционных для юридических факультетов дисциплин, в этом университете читались курсы «Устройство и управление Российского государства», «Европейское государственное право», а на втором отделении – курсы «Политика», «История европейской государственной системы» (*Сборник распоряжений*, 1867, паг. 3, с. 4–5).

Таким образом, в русских университетах предметное поле политических наук было структурировано в соответствии с делением на кафедры и учебные дисциплины: философские аспекты политической теории отходили кафедре энциклопедии права; юридические

аспекты политической теории и практики – кафедре государственного права; а социоэкономические аспекты политической теории и практики – кафедрам финансового права и политической экономии и статистики. Однако в действительности наблюдается нарушение этих границ. В частности, история политических учений излагается и в курсах кафедры энциклопедии права, и в курсах кафедры государственного права (Мошелков, 2005, с. 33–48; Мошелков, 2006, с. 8–31).

Синтез политических наук в наибольшей степени осуществлялся в курсе теории государственного права, поскольку большинство преподавателей этого курса, следуя немецкой академической традиции, сближали государственное право (*Staatsrechtslehre*) и науку о государстве (*Staatswissenschaft*), которая также именовалась «государствованием», «государственной наукой» или «политической наукой» (в единственном числе) (Bleek, 2001, s. 81–84, 143–167; Peukert, 2005; Томсинов, 2013). Разработчики Университетского устава 1863 г., рекомендовавшие включить курс общего государственного права в программу подготовки юристов, ориентировались на немецкую практику преподавания этого предмета и пособие И. К. Блунчли по общему государственному праву (Bluntschli, 1852; *Журналы*, 1862, паг. 2, с. 374, 455–456).

К середине 1860-х гг. почти во всех университетах было налажено чтение курса государственного права. Причем, среди преподавателей преобладали молодые ученые, имевшие только степень кандидата или магистра: кандидат Ф. Н. Панов в Санкт-Петербургском университете, магистр Б. Н. Чичерин в Московском университете, кандидат Н. К. Нелидов в Казанском университете, магистр А. В. Романович-Славатинский в Университете Св. Владимира в Киеве. В Харьковском университете кафедра государственного права оставалась незамещенной до 1877 г. и ее курсы вели профессора других кафедр: курс государственного права важнейших иностранных государств – профессор кафедры международного права Д. И. Каченовский, курс русского государственного права – профессор кафедры энциклопедии права А. Г. Станиславский, мало интересовавшийся проблематикой государственного права и политики, курс общего государственного права не читался (*Юридический факультет*, 1908, с. 67–68, 236). К ведущим специалистам по государственному праву следует причислить также профессора полицейского права в Санкт-Петербургском университете И. Е. Андреевского, автора первого учеб-

ника по государственному праву (Андреевский, 1866). С 1866 г. в Санкт-Петербургском университете курс государственного права начал читать ученик Каченовского, А. Д. Градовский. В открывшихся Новороссийском и Варшавском университетах этот курс читали соответственно А. П. Пригара с 1868 г. и Н. И. Хлебников с 1869 г., только защитившие диссертации на степень магистра государственного права. В Дерптском университете политику, государственное право и энциклопедию государственных наук читал профессор доктор А. фон Бульмеринг, занимавшийся преимущественно вопросами народного и международного права (Mälksoo, 2005, с. 181–209).

Таким образом, переход от легистского взгляда на юриспруденцию к изучению политических наук был обеспечен сменой поколений университетских преподавателей. Это подтверждает предположение Р. Коллинза о том, что российские университетские реформы, как и преобразования высшего образования в других странах, «приводили к существенной перегруппировке интеллектуальных сетей и всплеску творческого производства идей» (Коллинз, 2002, с. 37). Именно в среде преподавателей государственного права произошла наиболее заметная перегруппировка научных сетей, что сопровождалось резким развитием исследований в этой области.

Государственное право

Предметную область государственного права преподаватели определяли по-разному. Б. Н. Чичерин называл общее государственное право первой частью науки о государстве (вторая – «учение о жизненных условиях государства») и считал, что эта дисциплина «должна одинаково обнимать все формы государственного устройства, все образы правления, объясняя их значение, их выгоды, их недостатки и необходимую связь их с теми жизненными условиями, среди которых они существуют» (Чичерин, 1861, с. 10, 7). Этот курс вошел в первый том его «Курса государственной науки» (Mohl, 1894–1898, Т. 1–3). Второй и третий тома имели соответственно подзаголовки «Наука об обществе или социология» и «Политика»². Н. К. Нелидов

² Заглавие третьего тома, возможно, создано под влиянием немецких изданий: Р. фон Моля «Государственное право, народное право и политика», второй и третий тома которого были посвящены политике (Mohl, 1862–1869),

в курсе общего государственного права излагал курс «науки о государстве», которая, по его мнению, должна изучать «деятельность государственного начала в отношении к обществу»: «Изучение свойств, которыми отличается организация этого [государственного – А.Т.] начала и его деятельность, раскрытие посредством этого изучения законов, которые управляют ходом государственной жизни вообще, и исключений из них, вызываемых местными, временными и национальными особенностями, – вот задачи и содержание науки о государстве в ее целостности» (Нелидов, 1872, с. 99, 210–211; Нелидов, 1874). Д. И. Каченовский предлагал отказаться от «философского государственного права» в пользу общего учения о государстве (Каченовский, 1862, с. 66–70).

Традиционным предметом государственного права являлись государственное устройство и государственное управление. Большинство преподавателей этой дисциплины при подготовке своих курсов старались преодолеть традиционный легизм и отчасти историзм. Д. И. Каченовский, Б. Н. Чичерин, Н. К. Нелидов, В. И. Сергеевич, М. М. Ковалевский связывали перспективы развития политических наук с социологическим позитивизмом и потому с особым вниманием изучали труды Л. Штейна, Г. Спенсера и О. Конта, давших новый импульс для развития политических наук. Так, немецкий правовед Штейн включил в свой двухтомник «Система государственной науки» разделы по статистике, демографии, экономике и социологии (Stein, 1852–1856). Опираясь на эту традицию, Нелидов назвал государствоведение «отраслью социологии» (Нелидов, 1872, с. 98).

Расширение предметной области государственного права до науки о государстве стало возможным благодаря определенной свободе преподавания в российских университетах в 1860–1870-е гг. Учившийся у Д. И. Каченовского М. М. Ковалевский, впоследствии читавший в Московском университете курсы государственного права европейских держав и сравнительной истории права, вспоминал: «Большая свобода держалась в сфере высшей школы, в преподавании государственного права в университетах, да и то лишь со времени Устава 1863 г. и до эпохи его отмены в начале 80-х годов. Едва открывшиеся кафедры государственного права европейских

и И. К. Блунчли «Учение о современном государстве», третий том которого имел подзаголовок «Политика как наука» (Bluntschli, 1876).

держав [такая кафедра была только в Московском университете – А.Т.], дававшие возможность сколько-нибудь определенно говорить о конституциях и народном представительстве, снова были закрыты, и политическая мысль принуждена была облекаться покровом отвлеченности в лекциях профессоров по так называемому общему государственному праву» (Ковалевский, 1916, с. 213).

Преподаватели государственного права почти с нуля создавали научную и учебную литературу по политическим наукам. В начале 1860-х гг. Н. К. Нелидов и Д. И. Каченовский констатировали отсутствие в России оригинальных трудов в этой области, несмотря на развитие политической журналистики (Нелидов, 1860, с. 36–58; Каченовский, 1862). Первый учебник по государственному праву вышел в 1866 г. (Андреевский, 1866). Одновременно появились и оригинальные исследования. Двое ученых приписывали себе создание первой монографии по политическим наукам. Д. И. Каченовский таковой считал свое исследование по истории политических наук, вышедшее в двух частях: «Взгляд на историю политических наук в Европе» (Mohl, 1858) и «О современном состоянии политических наук в Западной Европе и России» (Харьков, 1862). Б. Н. Чичерин указывал на свою докторскую диссертацию «О народном представительстве» (Mohl, 1866). В мемуарах он изложил причину ее написания: «В русском обществе начали уже бродить политические мысли, а, между тем, политической литературы вовсе не было. Надобно было положить ей основание. Мне казалось, что только этим способом [написанием монографии по конституционному вопросу – А.Т.] можно было несколько умерить и ввести в правильную колею то хаотичное брожение, в котором было погружено так называемое общественное мнение, безотчетно следовавшее за голосом журнальных заправил. Этим, вместе с тем, можно было показать, что русская мысль достаточно созрела для достаточного и всестороннего обсуждения политических вопросов» (Чичерин, 1929, с. 163–164). В дальнейшем именно диссертации по государственному праву внесли заметный вклад в развитие политических наук (Кричевский, 1998).

Заключение

Таким образом, Университетский устав 1863 г. создал благоприятные условия для развития политических наук, центральное место

среди которых заняло государственное право. Институализация политических наук в Российской империи происходила одновременно с подобными процессами на Западе, где во второй половине XIX в. развивалась профессиональная периодическая печать, появились кафедры и даже факультеты политических наук, а также Академия нравственных и политических наук в Мадриде (Испания, 1861), Свободная школа политических наук в Париже (Франция, 1871), Школа политической науки в Колумбии (США, 1880), Общество государственоведения в Берлине (Германия, 1883), Лондонская школа экономических и политических наук (Великобритания, 1895) (Favre, 1989; Wagner, 1990; Ross, 1991; *Political Science*, 1995; Farr, 2003, p. 306–328; *Modern Political Science*, 2007). Формирование политических наук и государственного права в российских университетах во многом повторяло развитие этой научной области в Германии, где доминирование в публичной сфере государства, как формально-юридического и бюрократического института, определило развитие именно государственного права и государственной науки, заменявших собою политическую науку (Kastendiek, 1987, p. 27; Bleek, 2001). В отличие от Германии, российские университеты могли пользоваться свободой обучения, характерной для «классического университета», лишь в той степени, в какой ее предоставляло Министерство народного просвещения. В 1860–1870-е гг. преподаватели государственного права расширили свой предмет до границ государственной (или политической) науки, но не стремились разграничить эти дисциплины, поскольку сохранение их единства давало возможность изучать и преподавать политическую науку в университетах Российской империи независимо от конъюнктурных изменений.

Университетский устав 1863 г. так и не решил задачу деполизации студенчества, которое продолжило участвовать в общественно-политических дискуссиях и работе радикальных организаций. Об этом свидетельствовало покушение учащегося Казанского и Московского университетов Д. В. Каракозова на императора Александра II 4 апреля 1866 г. После покушения на пост министра народного просвещения был назначен граф Д. А. Толстой, известный своими консервативными взглядами. Он должен был усилить контроль за системой высшего образования, что не могло не привести к ограничению автономии высшей школы, сужению предметной области государственного права и уходу из университетов ряда преподавателей государственного права, в том числе Б. Н. Чичерина и М. М. Ко-

валевского. Однако систему образования в области государственного права в целом удалось сохранить, что позволило продолжить подготовку соответствующих специалистов, востребованных на рубеже XIX–XX веков, в эпоху политических трансформаций.

Библиография

- Андреевский И. Е. (1866), *Русское государственное право*, М. О. Вольф, С.-Петербург–Москва, том 1.
- Андреевский И. Е. (1881), *О ходе распространения в русском обществе политических знаний, 1855–1880 гг.*, „Русская старина”, № 2.
- Верещагин А. Н. (2002), *Земский вопрос в России: Политико-правовые отношения*, Международные отношения, Москва.
- Градовский А. Д. (1899), *О современном направлении государственных наук: Речь, произнесенная на годичном акте Имп. С.-Петербургского университета, 8 февраля 1873 года*, в: А. Д. Градовский, *Собрание сочинений*, Тип. М. М. Стасюлевича, С.-Петербург, том 1.
- Джаншиев Г. А. (1893), *Университетская автономия*, в: Г. А. Джаншиев, *Из эпохи великих реформ: Исторические справки*, 5-е изд., Тип. А. И. Мамонтова и К°, Москва.
- Донин А. Н. (2003), *Университетские реформы в России: общественная мысль и практика. Вторая половина XIX века*, СГСЭУ, Саратов.
- Журналы заседаний ученого комитета главного правления училищ по проекту общего устава императорских российских университетов* (1862), С.-Петербург.
- Замечания иностранных педагогов на проекты уставов учебных заведений Министерства народного просвещения* (1863), В тип. Д. Д. Глазунова, С.-Петербург.
- Замечания на проект общего устава императорских российских университетов: В 2 частях* (1862), С.-Петербург.
- Змеев В. А. (1998), *Реформирование высшей школы России в 50–60-е годы XIX в.*, „Социально-политический журнал”, № 4.
- Иванов А. Е. (2010), *Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века: Очерки*, Новый хронограф, Москва.
- Ирхин Ю. В. (2013), *Факультеты нравственных и политических наук в становлении университетской политологии в России*, „Вопросы политологии”, № 2(10).
- История юридического факультета Московского университета (1755–2010)* (2011), отв. ред. В. А. Томсинов, 2-е изд., перераб. и доп., Изд. дом «Городец», Москва.

- Кассов С. Д. (1992), *Университетский устав 1863-го года: Новая точка зрения, в: Великие реформы в России, 1863–1871*, под ред. Л. Г. Захаровой, Изд-во МГУ, Москва.
- Каченовский Д. И. (1862), *О современном состоянии политических наук в Западной Европе и России*, Университетская тип., Харьков.
- Кизеветгер А. А. (1997), *На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914*, Вступ. ст., коммент. М. Г. Вандалковская, Искусство, Москва.
- Кинелев В. Г. (1995), *Высшее образование в России: Очерки истории до 1917 г.*, НИИ ВО, Москва.
- Кирсанова Е. Г. (2013), *Политическая проблематика в научном наследии И. В. Вернадского*, „Вестник Московского университета. Серия. 12: Политические науки”, № 2.
- Ковалевский М. М. (1916), *Соперничество немецкого, французского и английского влияний на русскую интеллигенцию с середины прошлого столетия*, „Вестник Европы”, № 1.
- Коллинз Р. (2002), *Социология философий: Глобальная теория интеллектуального измерения*, Сибирский хронограф, Новосибирск.
- Коркунов Н. М. (1893), *Русское государственное право*, Кн. маг. А. Ф. Цинзерлинга б. Мелье и К°, С.-Петербург, том 2: Особенная часть.
- Кричевский Г. Г. (1998), *Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918): Справочное пособие*, Сан-Сан, Ставрополь.
- Лангер К. Г. (2011), *О пределах и важнейших представителях политической науки: Торжественное слово по случаю празднования рождения Августейшей и Могущей Всероссийской императрицы и самодержицы Екатерины II Великой, 1771 г. апреля 22 дня*, общ. ред. и вступит. ст. А. Ю. Шутов, Сост., подгот. текста, коммент. А. В. Топычканов, Изд-во Московского университета, Москва.
- Милюков П. Н. (1902), *Университеты в России*, „Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона” Семеновская Типо-Литография (И. А. Ефрона), С.-Петербург, том 34А. Полумот 68: Углерод – Усилие.
- Мошелков Е. Н. (2005), *История политических учений как научная и образовательная дисциплина в России в XIX – начале XX в. (аналитический обзор источников)*, „Вестник Московского университета. Серия. 12: Политические науки”, № 1.
- Мошелков Е. Н. (2006), *Предмет политической науки и предмет истории политических учений: концепции в отечественной политико-правовой науке XIX – начала XX в. и современные трактовки*, „Вестник Московского университета. Серия. 12: Политические науки”, № 4.
- Нелидов Н. К. (1860), *О необходимости приобретения обществом юридических и политических сведений*, „Юридический журнал”, № 1.

- Нелидов Н. К. (1872), *Наука о государстве, как предмет высшего специального образования: Речь, читанная на акте Демидовского юридического лицея 30 августа 1872 г.* Тип. Губ. правления, Ярославль.
- Нелидов Н. К. (1874), *Система курса общего государственного права (для руководства студентам при слушании лекций и приготовлении к испытаниям)*, В Тип. Ун-та, Казань.
- Обзор деятельности Министерства народного просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 63 и 64 годах (с приложениями)* (1865), Тип. Имп. Акад. наук, С.-Петербург.
- Общий отчет по Министерству народного просвещения за 1853 год* (1854), Тип. Имп. Акад. наук, С.-Петербург.
- Очерки истории политической науки в Московском университете (1755–1835)* (2009), под ред. А. Ю. Шутова. Айрис-Пресс, Москва.
- Редкин П. Г. (1889), *Вступительная лекция 1853/64 академического года*, в: *Из лекций П. Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще*, Тип. М. М. Стасюлевича, С.-Петербург, том 1, (Редкин П. Г., 1889, с. 1–21).
- Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения* (1867), Тип. Имп. Акад. наук, С.-Петербург, том 3: 1850–1864.
- Сморгунов Л. В. (2009), *Положение политических наук в Санкт-Петербургском университете в XIX веке*, „ПОЛИТЭКС”, том 5, № 4.
- Томсинов В. А. (2013), *Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «Великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.): Учебное пособие*, Зерцало-М, Москва.
- Топычканов А. В. (2011), *М. В. Ломоносов о «политике»*, „Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки”, № 6.
- Университетская реформа 1863 года в России* (2012), сост. и авт. вступит. ст. В. А. Томсинов, Москва.
- Чичерин Б. Н. (1861), *Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 г.*, Унив. тип., Москва.
- Чичерин Б. Н. (1929), *Воспоминания. Московский университет*, вступит. ст. и примеч. С. В. Бахрушина, Изд-е М. и С. Сабашниковых, Москва.
- Эймонтова Р. Г. (1985), *Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической*, отв. ред. С. С. Дмитриев, Наука, Москва.
- Эймонтова Р. Г. (1993), *Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века*, Наука, Москва.
- Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905)* (1908), под ред. М. П. Чубинского, Д. И. Багаля, Тип «Печ. дело», Харьков.

- Bleek W. (2001), *Geschichte der Politikwissenschaft in Deutschland*, Beck, München.
- Bluntschli J. C. (1852), *Allgemeine Staatsrecht: geschichtlich begründet*, Verl. der literarisch-artistischen Anstalt, München.
- Bluntschli J. K. (1876), *Lehre vom modernen Staat: in 3 Bden*, Cotta, Stuttgart, Band. 3: Politik als Wissenschaft, Neudr. d. Ausg.
- Farr J. (2003), *Political Science*, in: *The Cambridge History of Science*, Cambridge University Press, Cambridge, vol. 7: *The Modern Social Science*, ed. T. M. Porter, D. Ross.
- Favre P. (1989), *Naissance de la Science Politique en France, 1870–1914*, Fayard, Paris.
- Kastendiek H. (1987), *Political Development and Political Science in West Germany*, „International Political Science Review”, vol. 8, no. 1.
- Lincoln B. W. (1990), *The Great Reforms. Autocracy, Bureaucracy and the Politics of Change in Imperial Russia*, Northern Illinois University Press, DeKalb.
- Mälksoo L. (2005), *The Context of International Legal Arguments: «Positivist» International Law Scholar August von Bulmerincq (1822–1890) and His Concept of Politics*, „Journal of the History of International Law”, no. 7(2).
- Modern Political Science: Anglo-American Exchanges since 1880* (2007), ed. R. Adcock, M. Bevir, C. Shannon, Princeton University Press, Princeton.
- Mohl R. von. (1862–1869), *Staatsrecht, Völkerrecht und Politik: Monographien*, Laupp, Tübingen, Bände. 2–3: Politik.
- Peukert H. (2005), *Das tradierte Konzept der Staatswissenschaft*, De Gruyter Recht, Berlin.
- Political Science in History: Research Programs and Political Traditions*, (1995), ed. J. Farr, J. S. Dryzek, S. T. Leonard, Cambridge University Press, Cambridge.
- Ross D. (1991), *The Origins of American Social Science*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Stein L. (1852–1856), *System des Staatswissenschaft*, Cotta, Stuttgart, Bände. 1–2.
- Wagner P. (1990), *Sozialwissenschaften und Staat: Frankreich, Italien, Deutschland, 1870–1980*, Campus-Verlag, Frankfurt.
- Wortman R. (1976), *The Development of Russian Legal Consciousness*, University of Chicago Press, Chicago.

Nauki polityczne w Rosji w epoce *Ustawy Uniwersyteckiej z 1863 r.*: problemy instytucjonalizacji

Streszczenie

Ustawa Uniwersytecka z 1863 r. ustanowiła powstanie nowych wydziałów i przedmiotów, a także stworzyła możliwość organizowania towarzystw naukowych na

uniwersytetach zapewniając tym samym sprzyjające warunki do rozwoju nauk politycznych w Rosji. Strukturę dyscypliny nauk politycznych wyznaczył podział występujący na Wydziale Prawa. *Ustawa* z 1863 r. dokonała syntezy nauk politycznych wyznaczając im rolę nauki o państwie.

**Political science in Russia at the time of *The University Statute of 1863*:
institutionalisation problems**

Summary

The University Statute of 1863 established new departments and educational courses, provided an opportunity to organise academic societies at universities and thus created favourable conditions for the development of political science in Russia. The field of political science was structured in accordance with the division of the Law Department. *The Statute* of 1863 imposed a synthesis onto political science, giving it the role of state studies.